ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

Абсолютно невозможно

На детекторе, что стоял в углу небольшой комнаты, засветилась розовая точка. Малер взглянул на грустного путешественника во времени, сидевшего перед ним в громоздком космическом скафандре, и усталым жестом указал на детектор.

— Видите, еще один. Попав на Луну, вы найдете там многих своих коллег. За те восемь лет, что я руковожу Бюро, мне пришлось отправить туда более четырех тысяч человек. Почти по пятьсот в год. Не проходит и дня, чтобы кто-то не посетил наш 2784 год.

— И вы никого не отпустили. Каждый, кто прибыл к вам, тут же отправлялся на Луну. Каждый.

— Да, — твердо ответил Малер, взглядываясь в защитное стекло, скрывавшее лицо пришельца.

Он часто думал о людях, покинувших Землю по его приказу. Взять хотя бы вот этого, маленького роста, хрупкого телосложения, с венчиком седых, мокрых от пота волос. Наверное, ученый, уважаемый человек своего времени, почтенный отец семейства (впрочем, почти все, кто попадал к нему, семьями не обзавелись). Возможно, его знания могли бы принести неоценимую пользу и в двадцать восьмом веке. Возможно, и нет. Но это не имело ровно никакого значения. Так или иначе, его путь, как и путь его предшественников, лежал на Луну, где ему предстояло провести остаток дней в отвратительных, примитивных условиях под куполом.

— Не думаете ли вы, что это жестоко? — спросил старик. — Я прибыл сюда с мирными намерениями, не собираясь причинить вам никакого вреда. Я всего лишь научный наблюдатель из прошлого. Движимый любопытством, я решился на путешествие во времени и не ожидал, что наградой мне будет пожизненное заточение на Луне.

— Весьма сожалею, — Малер встал.

Пора заканчивать разговор, так как его уже ждал следующий гость. Бывали дни, когда они появлялись один за другим. Хорошо еще, что их вовремя засекали.

— Но разве я не могу жить на Земле, оставаясь в скафандре? — торопливо спросил путешественник, чувствуя, что его вот-вот выпроводят из кабинета. — В этом случае также будет исключен любой контакт с атмосферой.

— Пожалуйста, не усугубляйте моего и без того трудного положения, — ответил Малер. — Я уже объяснял, что это абсолютно невозможно. Исключения не допустимы. Уже двести лет, как Земля не знает болезней. За этот период наши организмы утратили сопротивляемость, приобретенную бесчисленными поколениями прошлого. Я рискую собственной жизнью, находясь возле вас, даже несмотря на ваш скафандр.

Малер подал сигнал высоким, мускулистым охранникам. Они ждали в коридоре, закованные в скафандры, которые предохраняли их от инфекций. Приближался самый неприятный момент.

— Послушайте, — нахмурившись, продолжал Малер. — Вы же ходячая смерть. Микробов, гнездящихся в вашем теле, вполне достаточно, чтобы уничтожить полмира. Даже простуда, обычная простуда может лишить жизни миллионы людей. За последние два столетия сопротивляемость болезням практически утрачена. Она уже не нужна человеческому организму. Мы победили все

болезни. Но вы, путешественники во времени, появляетесь здесь с их полным букетом. И мы не можем оставить вас на Земле.

— Но я...

— Знаю. Вы поклянетесь всем святым, что никогда не снимете этот скафандр. Сожалею, но даже слово честнейшего из людей ничто по сравнению с безопасностью миллиардов землян. Мы не можем разрешить вам остаться. Это жестоко, несправедливо, но другого выхода нет. Вы, разумеется, не предполагали, что вас ждет такая встреча. Повторяю, мне очень жаль. Но, с другой стороны, отправляясь в будущее, вы знали, что не сможете вернуться назад, и, следовательно, всецело отдавали себя в руки живущих там. — Малер начал складывать лежавшие перед ним бумаги, показывая, что разговор окончен. — Чертовски жаль, но вы должны нас понять. Само ваше присутствие пугает нас до смерти. Мы не имеем права позволить вам ходить по Земле, даже в космических скафандрах. Это абсолютно невозможно. Для вас есть только один путь — на Луну.

Он взглянул на охранников:

— Уведите его.

Стража направилась к старику и по возможности деликатно выпроводила его из кабинета.

После их ухода Малер с облегчением откинулся в пневмокресле и прополоскал рот. Длинные речи всегда выматывали его, после них саднило в горле. «В один прекрасный день я заработаю себе рак от этих бесконечных разговоров, — подумал он. — А это сопряжено с операцией. Но кто, кроме меня, будет всем этим заниматься?».

Из коридора все еще доносились протестующие крики старика. Когда-то Малер готов был уйти с этой работы, испытывая жалость к ни в чем не повинным пришельцам из прошлого. Но восемь лет закалили его.

Впрочем, именно твердость характера Малера послужила причиной его назначения на должность директора Бюро. Работа была тяжелая и требовала от исполнителя сильной воли. Кондрин, его предшественник, был сделан из другого теста, и в результате сам оказался на Луне. Возглавляя Бюро всего лишь год, он настолько размяк, что разрешил уйти одному путешественнику. Тот обещал спрятаться в Антарктиде, и Кондрин, полагая, что Антарктида столь же безопасна, как Луна, по недомыслию отпустил его. Тогда-то директором и назначили Малера, и в последующие восемь лет все до единого пришельцы из прошлого — а их набралось четыре тысячи — неукоснительно высылались на Луну. Первым был беглец, отпущенный Кондриным и пойманный в Буэнос-Айресе (его смогли засечь по болезням, охватившим регион от Аппалачей до протектората Аргентины), вторым — сам Кондрин. Работа отнимала много сил, но Малер ею гордился. Возглавлять Бюро мог только сильный человек.

Он откинулся в кресле в ожидании очередного путешественника. Неслышно открылась дверь, и в кабинет вошел дородный мужчина с таймером в руке. Это был доктор Форнет, Главный врач Бюро.

— Взял у нашего последнего клиента, — сказал доктор. — Тот уверяет, будто этот таймер действует в двух направлениях, и я решил, что вам будет любопытно взглянуть на него.

Малер выпрямился. Таймер, обеспечивающий перемещение не только в будущее, но и в прошлое? Маловероятно. Однако, если это так, лунной тюрьме придет конец. Но откуда мог взяться подобный механизм?

Малер протянул руку к таймеру.

— Похоже, обычная конструкция двадцать четвертого века.

— Но обратите внимание на второй циферблат.

Малер присмотрелся повнимательнее и кивнул.

— Да, вероятно, он предназначен, для перемещения в прошлое. Но как это проверить? И потом, почему у других нет такого таймера? Откуда он взялся в двадцать четвертом веке? Даже мы не научились путешествовать в двух направлениях, только в будущее, а наши ученые считают, что попасть в прошлое теоретически невозможно. Однако, было бы неплохо, — задумчиво произнес Малер, — если бы его слова оказались правдой. Надо хорошенько исследовать этот таймер. Хотя, признаться, мне не верится, что он работоспособен. Приведите-ка сюда нашего гостя. Кстати, что показало медицинское обследование?

— Как всегда, — угрюмо ответил Форнет. Полный набор самых заразных заболеваний. Чем быстрее отправим его на Луну, тем лучше.

Доктор махнул рукой, и охранники ввели в комнату пришельца из прошлого.

Малер улыбнулся. О сверхосторожности доктора Форнета в Бюро ходили легенды. Даже если бы путешественник прибыл из двадцать восьмого столетия, когда на Земле уже не было болезней, Форнет все равно нашел бы у него что-нибудь подозрительное, начиная с астмы и кончая проказой.

Гость оказался мужчиной довольно высокого роста и, по всей видимости, молодым. Хотя его лицо едва просматривалось сквозь стекла шлема, без которого ни один путешественник во времени не имел права появляться на Земле. Малеру показалось, что незнакомец чем-то напоминает его самого. Когда пришельца ввели в кабинет, его глаза удивленно раскрылись.

— Вот уж не думал встретить тебя здесь! — воскликнул путешественник. Его голос, усиленный динамиком, наполнил маленький кабинет. — Ты — Малер, не так ли?

— Совершенно верно, — сказал директор Бюро.

— Пройти сквозь все эти годы — и найти тебя. И кто-то еще смеет говорить о невероятности!

Малер пропустил его слова мимо ушей, не позволяя втянуть себя в дискуссию. Он давно уяснил, что с путешественниками нельзя вести дружескую беседу. В обязанности директора входило лишь краткое объяснение причин, по которым пришельца следовало отправить на Луну, причем как можно скорее.

— Вы утверждаете, что эта штуковина обеспечивает перемещение как в будущее, так и в прошлое? — спросил Малер, показывая на таймер.

— Да, — подтвердил пришелец. — Работает в двух направлениях. Нажав эту кнопку, вы окажетесь в 2360 году или около того.

— Вы сделали его сами?

— Я? Нет, конечно, нет. Я его нашел. Это долгая история, и у меня нет времени, чтобы рассказать ее. К тому же, попытайся я это сделать, все совершенно запутается. Давайте побыстрее покончим с формальностями. Я понимаю, что у меня нет ни единого шанса остаться на Земле, и прошу отправить меня на Луну.

— Вам, разумеется, известно, что в наше время побеждены все болезни... — торжественно начал Малер.

— ... а я битком набит вирусами и микробами, которых вполне достаточно для уничтожения человечества, — продолжил пришелец. — И оставить меня на Земле абсолютно невозможно. Хорошо, не буду с вами спорить. Где тут ракета на Луну?

Абсолютно невозможно! Его любима.. фраза. Малер хмыкнул. Должно быть, кто-то из молодых техников предупредил пришельца о том, что его ждет, и тот смирился, поняв безнадежность своего положения. Ну что ж, тем лучше.

Абсолютно невозможно.

Да, думал Малер, эти два слова полностью характеризуют его деловые качества. Скорее всего, он останется единственным Директором Бюро, который никогда не поддастся на уловки пришельцев из прошлого и отправит на Луну каждого, кто попадет к нему в руки. А другие, до и после него, в какой-то момент дрогнут, пойдут на риск и оставят кого-то на Земле. Но только не Малер. Абсолютно Невозможный Малер. Он понимает, какая ответственность возложена на его плечи, и не собирается подвести тех, кто доверил ему это важное дело. Все пришельцы из прошлого, все до единого, должны отправляться на Луну. И как можно скорее. Здесь не должно быть смягчающих обстоятельств.

— Ну и отлично, — сказал Малер. — Я рад, что вы понимаете необходимость предпринимаемых нами мер предосторожности.

— Возможно, я понимаю далеко не все, — сказал пришелец, — но знаю, что мои слова ничего не изменят. — Он повернулся к страже. — Я готов, прикажите меня увести.

По знаку Малера охранники вывели пришельца в коридор.

Удивленный директор Бюро долго смотрел ему вслед. «Если бы все были такие, как этот, — подумал он. — Пожалуй, он даже мне симпатичен. Здравомыслящий человек. Понял, что обстоятельства выше его, и не стал биться головой об стенку. Даже жаль, что он не остался на Земле. В наши дни не часто встретишь такого человека. Но я не имею права на симпатию! Я не могу расслабляться».

Ему удавалось так долго и так хорошо выполнять свою работу только потому, что он смог полностью подавить симпатию к этим несчастным, которых ему предстояло приговорить к пожизненному изгнанию. Если бы открылась возможность отправить их куда-то еще, предпочтительно назад, в их собственное время, он бы первым выступил за уничтожение лунной тюрьмы. Но, не имея другого выхода, он чрезвычайно ответственно относился к порученному делу.

Малер взял со стола прибор и еще раз внимательно осмотрел его. Двустороннее перемещение во времени решило бы проблему. По прибытии путешественника хватали бы и отправляли обратно. И скоро они перестали бы появляться. Такой исход вполне устроил бы Малера. Он нередко задумывался над тем, что говорят о нем пленники Луны. И вообще, двусторонний таймер изменил бы весь мир. Если люди смогут перемещаться во времени вперед и назад, прошлое, настоящее и будущее сольются в единое целое. Трудно даже представить, что тогда произойдет.

Но, даже держа таймер в руке, Малер продолжал сомневаться. Практическая возможность перемещения во времени была открыта почти шесть столетий назад, но никому не удавалось создать прибор, обеспечивающий движение в обоих направлениях. Более того, никто не встречал пришельцев из будущего. А между тем, если бы двусторонний таймер существовал, они появились бы ничуть не реже, чем гости из прошлого.

Значит, этот пришелец солгал, с сожалением заключил Малер. Двустороннего таймера нет и быть не может. Очередная выдумка, чтобы ввести землян в заблуждение. Нет прибора, с помощью которого человек мог бы отправиться в прошлое, потому что это невозможно. Абсолютно невозможно.

Но Малер не мог оторвать глаз от таймера. Один циферблат, как обычно, предназначался для установки даты в будущем, другой указывал дату обратного путешествия. Тот, кто изготовил эту подделку, затратил немало времени, чтобы придать ей хотя бы внешнюю достоверность. Но зачем? А что, если пришелец говорил правду? Если бы он мог проверить прибор, попавший к нему в руки. Всегда оставался шанс, что таймер работоспособен, и тогда его перестанут называть Абсолютно Невозможным Малером.

Он повертел таймер в руках. Довольно грубое устройство, обычный преобразователь темпорального поля, еще без веньерной системы, изобретенной в двадцать пятом веке.

Малер прищурился, стараясь получше разглядеть инструкцию. «НАЖМИ ЛЕВУЮ КНОПКУ», прочитал он.

Он внимательно посмотрел на кнопку. Мозг пронзила заманчивая мысль, но он тут же прогнал ее прочь, однако ненадолго. «Это же так просто!» Что, если... Нет!

Но...

«НАЖМИ ЛЕВУЮ КНОПКУ!»

Искушение было слишком велико.

«Только попробовать чуть-чуть...»

Нет!

«НАЖМИ ЛЕВУЮ КНОПКУ!»

Малер дотронулся до указанного места. Послышался щелчок электрического разряда. В следующее же мгновение Малер отдернул руку и хотел положить прибор на стол, но у него зарябило в глазах, и кабинет куда-то исчез.

Тяжелый, наполненный миазмами воздух не давал вздохнуть полной грудью. «Наверное, сломался кондиционер», — подумал Малер и огляделся.

Гигантские уродливые здания, устремленные ввысь. Черные облака дыма, плывущие по серому небу. Визг тормозов, грохот машин, хриплые гудки большого города.

Он стоял посреди огромного города, на улице, запруженной людьми. Нервными, сердитыми, куда-то спешившими. Сколько раз он видел эти пустые взгляды у путешественников во времени, удирающих в благословенное будущее.

Малер взглянул на прибор, зажатый в правой руке, и все понял.

Таймер обеспечивал перемещение не только в будущее, но и в прошлое.

Лунной тюрьме пришел конец. Начинался новый период человеческой истории. Но что он делает в этом ужасном мире? Левая рука Малера потянулась к таймеру.

Его резко толкнули сзади. Толпа несла Малера с собой, и ему едва удалось устоять на ногах. Тут же чья-то рука схватила его за шиворот.

— Документы, прыгун.

Малер обернулся и увидел широкоплечего мужчину в темнокоричневой форме с двумя рядами металлических пуговиц. Глаза-щелочки подозрительно оглядывали Малера.

— Ты слышал? Показывай документы, не то я отведу тебя куда следует.

Малер вырвался и нырнул в толпу. Ему требовалась лишь секунда, чтобы настроить таймер и покинуть этот зловонный пропитанный микробами век.

— Это прыгун! — крикнул кто-то. — Держи его!

Одиночный крик перешел в рев.

— Держи его! Держи!

Нет-нет, он не мог оставаться тут слишком долго. Малер свернул налево, в боковую улочку, а за ним неслась ревущая толпа.

— Пошлите за полицией! — прогремел чей-то бас. — Они схватят его!

Открытая дверь влекла к себе. Малер вбежал внутрь и захлопнул ее за собой, оказавшись в магазине.

— Чем я могу быть полезен? — Навстречу ему заспешил продавец. — У нас имеются последние модели...

— Отстаньте от меня! — рявкнул Малер, взглядываясь в таймер.

Озадаченный продавец молча смотрел, как он поворачивает маленький диск.

Веньера не было. Малеру оставалось только надеяться, что он попадет в свой год. Внезапно продавец вскрикнул и устремился к нему. Но Малер уже нажал на кнопку.

Сладкий воздух двадцать восьмого столетия пьянил, как молодое вино. «Не удивительно, что так много пришельцев из прошлого стремятся сюда, — думал Малер, сдерживая биение взволнованного сердца. — Наверное, жизнь на Луне и то лучше, чем там».

Прежде всего следовало привести себя в порядок, умыться, залечить синяки и ссадины, полученные во время недолгого путешествия в прошлое, переодеться. Едва ли его узнают в Бюро таким — с заплывшим глазом, с распухшей щекой, в порванной одежде. Малер огляделся в поисках ближайшего «Уголка отдыха». Заметив знакомый знак, он уже направился к нему, как услышал позади мелодичный звон, и оглянулся. По улице медленно катилась низкая тележка с детектором, а следом за ней шли два охранника Бюро в защитных скафандрах.

«Ну разумеется», — вздохнул Малер. Он же прибыл из прошлого, и детекторы, как и положено, зафиксировали его появление в двадцать восьмом веке. Ни один путешественник во времени не мог проскочить мимо них незамеченным.

Малер быстрым шагом направился к охранникам. Их лица были ему незнакомы, но он особо не удивился, так как не мог знать лично каждого из многочисленных работников Бюро. Да и вид тележки с звенящим детектором доставил ему огромное удовольствие. Они начали использоваться по его инициативе, а это означало, что он вернулся практически в то время, из которого отправился в прошлое.

— Рад вас видеть, — приветствовал Малер охранников. — У меня тут кое-что не заладилось.

Не обращая внимания на его слова, охранники вытащили из тележки космический скафандр.

— Хватит болтать, — сказал один из них. — Залезай сюда. Малер побледнел.

— Но я же не пришелец из прошлого! Подождите, ребята! Это ошибка. Я — Малер, директор Бюро. Ваш начальник.

— Хватит шутить, приятель, — пробурчал охранник повыше, в то время как его спутник напялил на Малера скафандр. Вне себя от ужаса, директор Бюро понял, что его не узнали.

— Не волнуйтесь, — успокоил его невысокий охранник. — Мы отвезем вас к шефу, который все объяснит и...

— Но шеф — это я! — запротестовал Малер. — Я изучал таймер, который обеспечивает перемещение в обоих направлениях, случайно отправил себя в прошлое. Снимите с меня эту штуку, и я покажу вам удостоверение. Тогда вы сможете убедиться в моей правоте.

— Послушай, приятель, не надо нас ни в чем убеждать. Если хочешь, расскажи все шефу. Ну как, сам пойдешь или тащить тебя силком?

Малер решил, что бессмысленно объяснить случившееся и тому молодому врачу, который его осматривал в Бюро. Все только еще больше запутается. Нет, он подождет, пока его проведут к шефу.

Постепенно Малер начал понимать, что произошло. Видимо, он попал в будущее через несколько лет после своей смерти. Бюро к тому времени возглавлял кто-то еще, а о нем, Малере, давно забыли. (При мысли о том, что в этот самый момент пепел от его останков покоится в урне, по спине Малера пробежал холодок.)

Встретившись с новым директором Бюро, он просто и спокойно объяснит создавшуюся ситуацию и попросит разрешения вернуться назад, на десять, двадцать, тридцать лет, в то время, к которому он принадлежал и где он мог передать двусторонний таймер соответствующим властям и возобновить жизнь с момента отбытия в прошлое, И тогда, скорее всего, уже не придется отправлять путешественников во времени на Луну и отпадет необходимость в Абсолютно Невозможном Малере.

Но вдруг его осенило: «Если я это сделал, то почему до сих пор существует Бюро? Малер почувствовал леденящий холодок страха.

— Заканчивайте поскорее, — поторопил он врача.

— Не понимаю, куда вы спешите! — огрызнулся тот. — Или вам нравится жизнь на Луне?

— Обо мне не беспокойтесь, уверенно ответил Малер. Если б вы знали, кто я такой, то подумали бы дважды, прежде чем...

— Это ваш таймер? — устало спросил врач.

— Не совсем. То есть... да. И будьте с ним осторожны. Это единственный в мире таймер, способный перенести человека не только в будущее, но и в прошлое.

— Неужели? — удивился врач. — И в прошлое тоже?

— Да. И если вы отведете меня к шефу...

— Минутку. Я хочу показать ваш таймер Главному врачу.

Врач вернулся через несколько минут.

— Все в порядке. Шеф вас ждет. Я бы не советовал вам спорить с ним, это ничего не изменит. Вам следовало оставаться в своем времени.

Вновь появились охранники и повели Малера по знакомому коридору к маленькому, залитому ярким светом кабинету директора, в котором он провел восемь лет. Правда, по другую сторону стола.

Подходя к двери, Малер еще раз повторил про себя все аргументы, которые он собирался высказать новому директору Бюро. Он кратко обрисует свое путешествие в прошлое и обратно, докажет, что он — Малер, и попросит разрешения воспользоваться таймером для возвращения в свое время. Директор, естественно, сначала встретит его слова враждебно, потом заинтересуется и, наконец, рассмеется, слушая рассказ о злоключениях коллеги. А затем, несомненно, удовлетворит его просьбу, но не раньше, чем они обменяются мнениями о работе, которой и тот и другой занимались, казалось бы, одновременно, но вместе с тем разделенные временной пропастью. Малер поклялся самому себе, что, вернувшись, никогда не коснется таймера. И вообще, уйдет из Бюро. Пусть другие отправляют путешественников во времени на Луну или в прошлое.

Он шагнул вперед и пересек луч фотоэлемента. Дверь безвучно отворилась. За столом сидел высокий, крепко сложенный мужчина с суровым лицом.

Он, Малер, собственной персоной.

Сквозь стекло гермошлема Малер глядел на сидевшего перед ним человека.

Малер! За столом сидел Абсолютно Невозможный Малер. Человек, отправивший на Луну четыре тысячи пришельцев из прошлого, не сделав ни для одного из них исключения.

И, если он — Малер, кто же тогда я?

И тут Малер понял, что круг замкнулся. Он вспомнил того самого путешественника во времени с твердым голосом, уверенного в себе, заявившего, что его таймер обеспечивает перемещение не только в будущее, но и в прошлое, а затем без долгих споров отбывшего на Луну. Теперь он знал, кто был этим путешественником.

Но с чего начался этот круг? Откуда взялся этот удивительный таймер? Он ушел в прошлое, чтобы принести таймер в настоящее, чтобы взять его в прошлое, чтобы...

У Малера закружилась голова. Выхода не было. Он взглянул на директора Бюро и шагнул вперед, чувствуя, как вокруг поднимаются стены лабиринта, а попытка выбраться из него обречена на неудачу.

Спорить не имело смысла. Во всяком случае, с Абсолютно Невозможным Малером. Только зря сотрясать воздух. Он — пришелец из прошлого и мог считать, что уже попал на Луну. Когда Малер вновь посмотрел на человека, сидевшего за столом, в его глазах вспыхнул мрачный огонь.

— Вот уж не думал встретить тебя здесь, — воскликнул путешественник во времени. Его голос, усиленный динамиком, заполнил маленький кабинет.

РАССЕЛ МЭЛОНИ

Несокрушимая логика

Мистеру Бэйнбриджу было тридцать восемь, когда на его жизненном пути оказалась шестерка шимпанзе. Он был холостяком и жил в отдаленном районе Коннектикута, в большом комфортабельном старом доме с подъездной аллеей, оранжереей, теннисным кортом и хорошо подобранной библиотекой. У него была недвижимость в Нью-Йорке, обеспечивавшая ему надежный доход, которым мистер Бэйнбридж распоряжался столь рассудительно, что это ни у кого не вызывало нареканий. Каждый год, в конце апреля, он заново покрывал дерном теннисный корт, после чего кортом могли пользоваться все соседи; каждый месяц выписывал книг не меньше чем на семьдесят пять долларов; каждые три года, в ноябре, он менял свой старый «кадиллак» на новый; некрепкие и недорогие сигары мистер Бэйнбридж заказывал в Гаване по тысяче штук сразу; из-за международной напряженности он решил отказаться от поездки за границу, а деньги, предназначавшиеся для этой цели, по зрелом размышлении решил истратить на вина, которые, казалось, должны были все более расти в цене, если война еще продлится. В общем мистер Бэйнбридж сознательно и довольно успешно строил свою жизнь по образу и подобию жизни английского эсквайра конца XVIII века, джентльмена, интересовавшегося искусством и развитием науки и настолько уверенного в себе, что ему не было дела до тех, кто считал его эксцентричным.

У мистера Бэйнбриджа было много друзей в Нью-Йорке. Он приезжал туда каждый месяц, останавливался в своем клубе и присматривался ко всему. Иногда он звонил какой-нибудь приятельнице и приглашал ее в театр и потом в ночной клуб. Иногда встречался со школьными друзьями: они выпивали на радостях и ехали смотреть бокс. Время от времени мистер Бэйнбридж заглядывал и в картинные галереи, где выставлялись академические картины, и любил изредка сходить в концерт. В то же время ему нравились и вечеринки с коктейлями — светская болтовня и множество хорошеньких девушек, которые не знают, как убить остаток вечера. Именно на такой вечеринке Бэйнбридж впервые столкнулся с судьбой.

Как-то на коктейле у Хоби Пакарда, биржевого маклера, он услышал о проблеме шести шимпанзе.

Шел седьмой час. Те, кто собирался выпить бокал и уйти, уже ушли, а те, кто хотел остаться до конца, подкреплялись не очень свежими бутербродами и оживленно болтали. В одном углу устроились парни с радио и актеры. Там горячо обсуждали, какими методами можно обмануть сборщика налогов. В другом углу группа биржевых маклеров болтала о самом великом из них — Гогене. Малышка Марция Люптон сидела с каким-то молодым человеком и очень искренне говорила ему:

— Сказать вам, чего мне больше всего хотелось бы добиться в жизни? Я хотела бы стать самой собой.

И Бэйнбридж тихо улыбнулся, вспомнив времена, когда Марция то же самое говорила ему. Вдруг до его ушей донесся голос Бернарда Вейса, критика:

— Да, он написал один хороший роман. Это не удивительно. В конце концов, известно, что если усадить шесть шимпанзе за шесть пишущих машинок и они станут наобум колотить по клавишам, то через миллион лет они напишут все книги, которые имеются в Британском музее.

Мистер Бэйнбридж подошел к Вейсу, познакомился с его собеседником — неким Ноблом.

— Что это вы тут говорили о миллионе шимпанзе, Вейс? — спросил он.

— Шести шимпанзе, — попросил Вейс. — Это известный математический пример. В школе всегда о нем говорят. Теория вероятностей. Шестерка шимпанзе, колотящих по клавишам, неизбежно должна напечатать все книги, когда-либо написанные людьми. Ведь на свете существует ограниченное количество сочетаний букв и цифр, и обезъяны рано или поздно воспроизведут все сочетания. Понятно? Конечно, они выдадут кучу чепухи, но при этом напечатают и книги. Все книги из библиотеки Британского музея.

Мистер Бэйнбридж наслаждался. Именно ради таких разговоров он и приезжал в Нью-Йорк.

— Ну, послушайте, — сказал он, только чтобы поддержать дурашливый разговор. — А что, если один из шимпанзе в конце концов точно воспроизведет какую-нибудь книгу, а последнюю фразу в ней не напечатает. Это в счет или нет?

— Я думаю — нет. Возможно, шимпанзе еще раз напишет эту книгу, только целиком, и вставит это предложение.

— Чепуха, — не выдержал Нобл.

— Может быть, и чепуха, но Джеймс Джинс верит в нее, — с раздражением сказал Вейс. — Джинс*) и Ланселот Хогбен**). Я совсем недавно где-то прочел об этом.

Это произвело впечатление на мистера Бэйнбриджа. Он читал довольно много научно-популярной литературы — и Джинс, и Хогбен были в его библиотеке.

— Вот оно что, — пробормотал Бэйнбридж, оставив шутливый тон. — А любопытно, кто-нибудь уже проверил это? Ну, я хочу сказать, пробовал кто-нибудь взять шесть обезьян, дать им по машинке и обеспечить неограниченным количеством бумаги?

Мистер Вейс бросил взгляд на пустой бокал в руках Бэйнбриджа и сухо сказал:

— Маловероятно...

Месяца два спустя, зимним вечером, Бэйнбридж сидел в своем кабинете с одним из друзей — Джеймсом Мэллардом, старшим преподавателем математики в Нью-Хейвенском университете. Явно нервничая, он наполнил свой стакан и обратился к Мэлларду:

— Я просил вас заехать ко мне, Мэллард... Вам брэнди? Сигару?... Да, так я просил вас заехать в связи с некоторыми обстоятельствами. Если помните, я писал вам недавно и спрашивал ваше мнение об одной математической гипотезе.

— Конечно, — деловито подтвердил Мэллард. — Прекрасно помню. Шесть шимпанзе и Британский музей. Я ответил тогда, что это вполне популярная иллюстрация научного принципа, известного каждому школьнику, который изучал теорию вероятностей.

— Вот именно. Так видите ли, Мэллард я решился... Мне было не так уж трудно, поскольку, что бы там, в Белом доме, ни придумывали, я еще в состоянии немного помогать каждый год Музею естественной истории, ну, и там, конечно, всегда рады оказать мне услугу... В конце концов, единственное, чем

*) Джеймс Джинс (1877-1946) — английский физик, астроном и математик, популяризатор науки. — Прим. перев.

**) Ланселот Хогбен (род. в 1895 г.) — английский ученый-популяризатор, преподаватель естественной истории и биологии. — Прим. перев.

непосвященный может помочь развитию науки, — это скучным, но необходимым экспериментаторством... Короче говоря, я...

— Короче говоря, вы хотите сказать, что добыли шесть шимпанзе и засадили их за работу, чтобы посмотреть, напишут ли они в конце концов все книги Британского музея. Так?

— Именно так, — подтвердил Бэйнбридж. — До чего же вы сообразительны, Мэллард. Шестерка отличных молодых самцов в превосходном состоянии. Я им выстроил, ну, общежитие, что ли во дворе за конюшней. Машинки стоят в оранжерее. Там много света и воздуха, а большую часть растений я велел вынести. Мистер Норт, владелец цирка, весьма любезно позволил мне нанять одного из своих лучших дрессировщиков. Право же, это было не так трудно.

Профессор Мэллард снисходительно улыбнулся.

— В конце концов, мне уже приходилось слышать нечто подобное, — сказал он. — Мне помнится, что кто-то в каком-то университете заставил студентов кидать монетки, чтобы проверить, поровну ли выпадают орел и решка. Оказалось, что поровну.

Бэйнбридж как-то очень странно посмотрел на своего друга.

— Итак, вы верите, что любой из принципов теории вероятностей может быть подтвержден экспериментально.

— Конечно!

— Взгляните тогда лучше сами.

Мистер Бэйнбридж повел профессора Мэлларда вниз по лестнице, по коридору и через заброшенную музыкальную комнату — в обширную оранжерею. Середина помещения была очищена от растений, и там рядком стояло шесть специальных столов и на каждом накрытая чехлом машинка. Слева от каждой машинки лежала аккуратная стопка желтоватой бумаги. Под каждым столом — пустая корзина для бумаг. Стулья — жесткие, с пружинными спинками, того типа, который предпочитают опытные стенографистки. В одном углу висела большая гроздь спелых бананов, в другом стоял «грейт бэр» — прибор для охлаждения воды и подставка с бумажными стаканчиками. На импровизированной полке расположились в ряд шесть стопок отпечатанного текста, каждая около фута толщиной. Бэйнбридж не без усилия поднял одну из стопок и положил ее перед профессором Мэллардом.

— Результат деятельности шимпанзе А, которого мы зовем Биллом, — сказал он просто.

«Оливер Твист», сочинение Чарлза Диккенса, — увидел профессор Мэллард. Он прочитал первую страницу рукописи. Потом лихорадочно перелистал всю рукопись до конца.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что этот шимпанзе написал...

— Слово в слово и запятая в запятую, — ответил Бэйнбридж. — Янг, мой дворецкий, и я сверили ее с изданием, которое есть в моей библиотеке. Как только Билл кончил, он сразу начал печатать социологические труды итальянца Вильфредо Парето. Если он и дальше будет работать в таком темпе, к концу месяца закончит и это.

— И все шимпанзе... — с трудом произнес побледневший профессор Мэллард. — И все они...

— О да, все они пишут книги, которые по моим расчетам, должны быть в Британском музее. Проза Джона Донна, кое-что из Анатоля Франса, Конан Дойль, Гален, избранные пьесы Сомерсета Моэма, Марсель Пруст, мемуары покойной Марии Румынской и еще монография какого-то доктора Вилея о болотных

травах Мэна и Массачусетса. Я могу подвести итог, Мэллард: с тех пор как четыре недели назад я начал этот эксперимент, ни один из шимпанзе не испортил буквально ни одного листа бумаги.

Профессор Мэллард выпрямился, стер пот со лба и глотнул воздух.

— Прошу прощения за слабость, — произнес он. — Эксперимент просто потряс меня своей неожиданностью. Конечно, если посмотреть на него с научной этой способности, — ничего поразительного в такой ситуации нет. Данные шимпанзе или несколько поколений подобных групп шимпанзе за миллион лет напишут все книги из Британского музея. Я уже говорил вам об этом и верил в свои слова. Почему же моя уверенность должна пошатнуться из-за того, что они напечатали некоторые из книг в самом начале? В конце концов, я бы ничуть не удивился, если бы раз сто подбросил монету и она каждый раз падала бы орлом. Я знаю, если бы это длилось до пятидесяти процентов. Будьте уверены, скоро шимпанзе начнут сочинять чепуху. Это непременно случится. Так утверждает наука. Я советую вам до поры до времени держать эксперимент в тайне. Несведущие люди создадут сенсацию, если узнают об этом.

— Я так и сделаю, конечно, — промолвил Бэйнбридж. — И я вам чрезвычайно благодарен за ваш научный анализ. Это меня успокаивает. А сейчас, до того как вы уедете, вы должны непременно послушать новые пластинки Шнабеля, которые я сегодня получил.

В течение следующих трех месяцев профессор Мэллард повадился звонить Бэйнбриджу каждую пятницу в пять тридцать пополудни, как только выходил из аудитории, где вел семинар. Профессор обычно спрашивал:

— Ну, как дела?

Бэйнбридж обычно отвечал:

— Они все продолжают, Мэллард. Еще не испортили ни одного листа.

Если мистер Бэнбридж в пятницу после обеда не бывал дома, он оставлял дворецкому записку и дворецкий читал профессору Мэлларду:

— Мистер Бэнбридж говорит, сэр, что мы сейчас печатаем «Жизнь Маколея» Тревельяна, «Исповедь св. Августина», «Ярмарку тщеславия», частично ирвинговскую «Жизнь Джорджа Вашингтона», Книгу Мертвых и некоторые парламентские речи против Кукурузного закона.

Профессор Мэллард отвечал с некоторой запальчивостью:

— Скажите ему, чтобы он не забывал моего предсказания.

И швырял трубку.

Когда профессор Мэллард позвонил в одиннадцатый раз, Бэйнбридж сказал:

— Никаких перемен. Мне приходится складывать рукописи уже в подвал. Я бы их сжег, но они, может быть, представляют какую-то научную ценность.

— И вы еще осмеливаетесь говорить о научной ценности? — прорычал в трубке далекий голос из Нью-Хейвена. — Научная ценность! Вы... вы... сами вы шимпанзе!

Дальше последовало бессвязное клокотание, и Бэйнбридж, обеспокоенный, повесил трубку.

— Боюсь, что Мэллард переутомляется, — пробормотал он.

Однако на следующий день он был приятно удивлен. Он перелистывал рукопись, которую вчера завершил шимпанзе Д. Корки. Это был полный текст дневников Самуэля Пеписа, и Бэйнбридж как раз подхихикивал над смачными

местами, которые были опущены в имевшемся у него издании, когда в комнату провели профессора Мэлларда.

— Я приехал извиниться за свою ужасную вчерашнюю выходку по телефону, — произнес профессор.

— Забудьте об этом, пожалуйста. Я же знаю, у вас много забот, — ответил Бэйнбридж. — Хотите выпить?

— Виски, пожалуйста. И побольше. Без содовой, — ответил профессор Мэллард. — Замерз в машине, пока ехал сюда к вам. Ничего нового, я полагаю?

— Нет, ничего. Шимпанзе Ф. Динти сейчас кончает печатать Монтеня в переводе Джона Флорио. Больше ничего интересного.

Профессор Мэллард расправил плечи и одним чудовищным глотком проглотил содержимое своего бокала.

— Мне бы хотелось посмотреть на них за работой, — сказал он. — Как вы думаете, я им не помешаю?

— Ничуть. Собственно говоря, я сам в это время заглядываю к ним. Динти, вероятно, уже кончил своего Монтеня, и всегда интересно смотреть, как они начинают новое произведение. Мне казалось, что они должны бы продолжать на том же самом листе бумаги, но знаете, они никогда не делают этого. Всегда новый лист и название заглавными буквами.

Профессор Мэллард налил себе без спросу еще бокал и осушил залпом.

— Проводите меня, — бросил он.

В оранжерее было уже темновато, и шимпанзе печатали при свете настольных ламп, привернутых к столам. В углу, развалившись, сидел смотритель, листая журнал, он жевал банан.

— Вы можете отдохнуть, — сказал Бэйнбридж.

Смотритель ушел.

Профессор Мэллард так и не снял пальто; он стоял, засунув руки в карманы, и глядел на деловитых шимпанзе.

— Не знаю, известно ли вам, Бэйнбридж, что в теории вероятностей учтено решительно все, — он произнес эти слова со странной напряженностью в голосе. — Конечно, невероятно, что шимпанзе пишут книгу за книгой без единой помарки, но эту аномалию можно исправить вот... вот чем! Этим!

Он выдернул руки из карманов, и в каждой оказалось по револьверу 38-го калибра!

— Убирайтесь в безопасное место! — крикнул он.

— Мэллард, стойте!

Сначала рявкнул револьвер в правой руке, потом в левой и опять в правой. Два шимпанзе упали, а третий, спотыкаясь побежал в угол. Бэйнбридж схватил своего друга за руку и вырвал один револьвер.

— Остановитель, Мэллард! Я теперь тоже вооружен! — закричал он.

Вместо ответа профессор Мэллард прицелился в шимпанзе и застрелил его. Бэйнбридж рванулся вперед, и профессор Мэллард выстрелил в него. В предсмертной агонии Бэйнбридж нажал курок. Раздался выстрел — профессор Мэллард упал. Затем, чуть приподнявшись, он выстрелил в двух шимпанзе, что еще оставались невредимыми, и рухнул вниз.

Никто не услышал его последних слов.

— Человеческое уравнение... всегда враг науки, — задыхаясь, бормотал он,

— на этот раз... наоборот... Я, смертельный... спаситель науки... Заслуживаю Нобелевскую...

Когда старик дворецкий прибежал в оранжерею, его глазам предстала поистине ужасная картина: настольные лампы были разбиты вдребезги, и только свет молодой луны падал из окон на трупы двух джельтменов, сжимающих дымящиеся револьверы. Пять шипанзе были мертвы. Шестым был шимпанзе Ф. Его правая рука была искалечена, он истекал кровью, но все же с трудом взобрался на стул перед своей машинкой. Мучительно напрягаясь, он левой рукой вынул из машинки последнюю страницу Монтеня в переводе Флорио. Поискав чистый лист, он вставил его и напечатал одним пальцем: ГАРРИЭТ БИЧЕР СТОУ, «ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА». Гла...

И умер.

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный за выпуск С. Петров

Художник В. Шибаев.

Абсолютно невозможно. Сб. фантастических рассказов.

Редакционно-издательское агентство. Свердловск 1990 г. 16 стр. 35 коп. тираж 150 тыс.

Часть средств от реализации идет на финансирование программ Всероссийского фонда культуры.

Сухоложская типография. Зак. 2042. 1990 г.